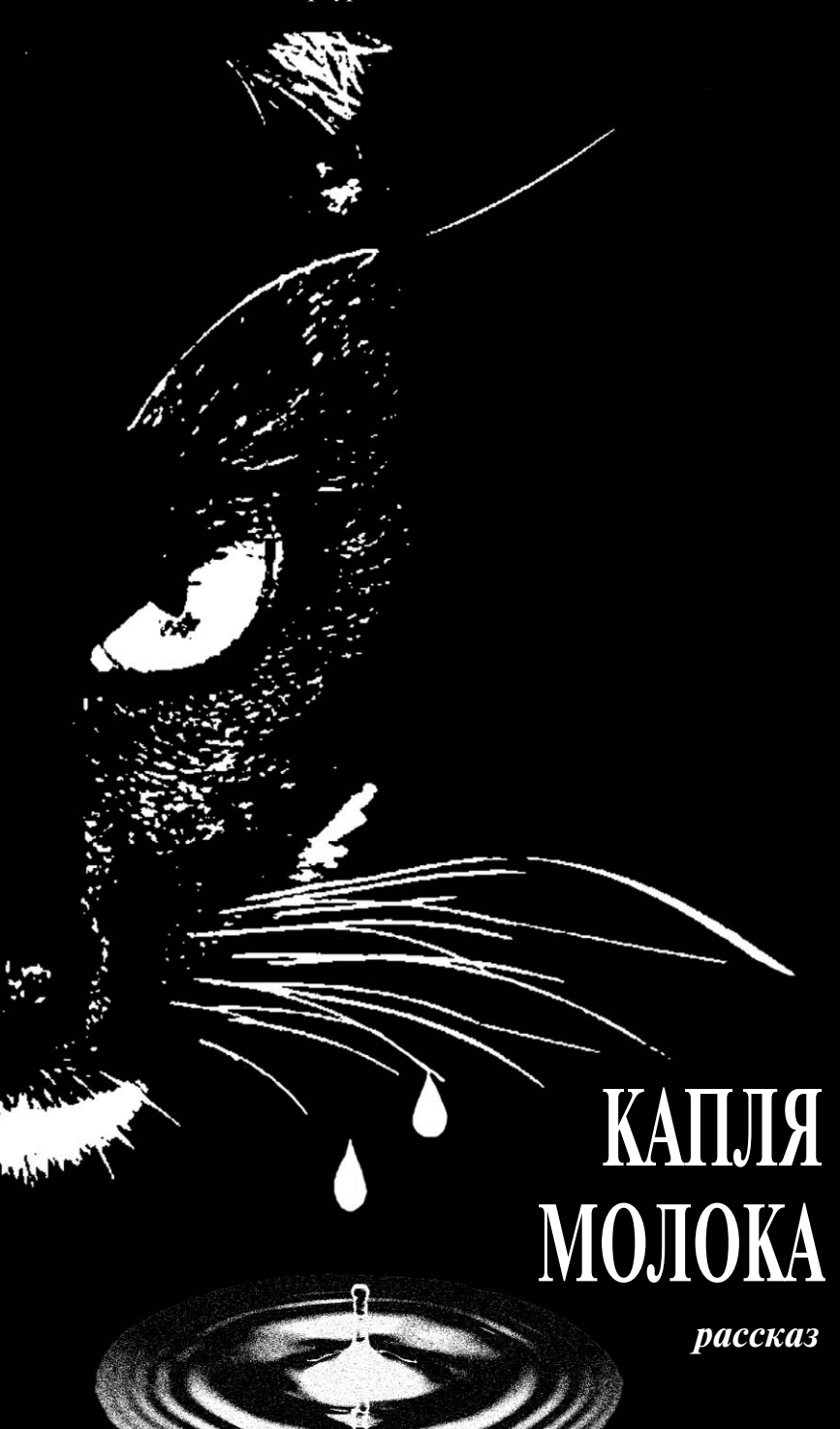


Дмитрий ФИЛИПШОВ

г. Санкт-Петербург



КАПЛЯ МОЛОКА

рассказ

Болела голова, и ужасно хотелось все соки жажда песком набивалась в рот, и, казалось, все счастье мира сосредоточено в одной глотке воды. Шустрик шел, еле передвигая ноги, и почему-то вспоминал своего кота Мавра. Не мать, не дом, не рыжую Анютку с веснушками на озорном курносом носу, а именно кота. Как тот жадно лакает молоко из миски, а потом сыто дрыхнет, развалившись на подоконнике.

Шустрик шел босиком. Ноги саднили и кровоточили. Кто именно снял с него берцы, Шустрик не знал, был без сознания, но обувь было жалко: хорошие берцы, добротные, «натовские» — босяцкий подгон дембеля-земляка. И пускай на два размера больше (нога у Шустрика маленькая, детская совсем нога), зато им сносу не было. Аккуратно прострочены по всем швам, с кроссовочной подошвой, да и легче деревянных кирзачей раз в десять.

Замешкавшись на повороте, Шустрик наступил на камень, всхлипнул от боли и тут же получил прикладом по затылку.

— Живее, сука, бл..! Я твой нюх топтал!..

Бить чех умел. Позвоночник словно на дыбе растянули. Паренек пошатнулся, засеменял вперед по инерции, но на ногах устоял. Если упасть — будут ногами добивать, это Шустрик уже успел запомнить...

Их накрыли на инженерной разведке. Группу прикрытия положили в считанные секунды. Шустрик и еще два сапера, Муха и Харя, успели забежать в полуразрушенный дом, но только это не помогло. Чечены не дураки, на то и был у них расчет. Муха забежал в дом первый и сорвал растяжку. Взрывной волной Харю и Шустрика отбросило в сторону, а после этого упала темнота...

Куда его ведут, Шустрик не знал. Да и мыслей никаких не было. Только липкая пустота в голове и жажда. И еще этот черный пушистый кот. Шустрик шел и словно живую видел, как белые капли свисают с длиннющих усов, как резво двигается розовый язычок, как хлопает в миске жирное молоко... И окажись этот кот рядом, Шустрик пнул бы его со всей силы: без жалости, без малейших угрызений совести.

Тропинка оборвалась у небольшой поляны. Группа остановилась. Шустрик без предупреждения получил по ногам и завалился набок. Чечены снимали рюкзаки, амуницию. Кто-то весело засмеялся.

— Тебя как зовут, русский? — над пареньком склонился здоровый бородатый мужик, тот самый, что шел сзади и бил его прикладом. Все называли его Юсуп.

— Шу... Шустрик. — Хрипло, надсадно. Он сам не узнал свой голос.

— Погоняло, что ли?

— Ну...

— Зовут-то как?

— Рома.

— К мамке хочешь, Рома?

Шустрик молчал. Вокруг собрались остальные боевики, предвкушая потеху. И что-то неуловимо изменилось в воздухе. Настолько изменилось, что пропал дурацкий кот из мыслей, забылась жажда. И еще стало очень страшно. Чувство неотвратимой опасности проникло под кожу. Зазвенело в ушах. Взгляд паренька заметался, но Юсуп цепко схватил его за подбородок и заставил смотреть в глаза. Улыбался. Упивался страхом.

— Не молчи, свинья! К мамке хочешь, да?

— Хочу!

— Любишь мамку?

— Да!

— А жить хочешь?

— Хочу!

— Сильно хочешь?

— Да!

— Это плохо! Это очень плохо! Потому что п...ц тебе сейчас. Я тебе много-много голову резать буду. Вот этим ножом. — Юсуп достал огромный нож, повертел им перед глазами. — Как барану!

Шустрик всхлипнул, дернулся назад, но пальцы крепко держали его за подбородок. И

все завертелось перед глазами. И уже не страх — четкое ощущение смерти разрывало все его существо изнутри. Он, Шустрик, восемнадцать лет от роду, не может умереть один. Вместе с ним умрут вот эта земля, это солнце, эти деревья. Вся вселенная умрет вместе с ним. А разве вселенная может умереть по воле какого-то Юсупа? Все человеческое в пареньке отказывалось в это верить. Но чем дольше Шустрик всматривался в голубые глаза чеченца, тем меньше человеческого оставалось в нем самом. Первобытное животное продиралось наружу из глубин мозга, и ему было плевать на солнце, землю и деревья, плевать на вселенную. В голубых глазах была смерть, и больше ничего на свете не существовало.

Юсуп без замаха ударил его локтем по лицу. Шустрик упал на землю. Вокруг все загикали, заулюлюкали, затопали ногами в зверином иступлении... Чечен наступил пареньку ногой на лицо, завизжал, занес нож...

Спас Шустрика одиночный выстрел. Все разом замолчали, обернулись. Чуть поодаль стоял молодой командир, держал АКМ и что-то жестко выговаривал остальным на своем наречии. Юсуп забыл про пленного, подбежал, стал что-то доказывать, грубо жестикулируя, но командир был непреклонен. Шустрику он сразу понравился: спокойный, уверенный в себе, с сильным взглядом матерого волка. Такого сложно послушаться. И то ли от расслабленности, то ли от счастья вновь обретенной жизни паренек обмочился прямо в штаны. А потом беззвучно заплакал.

Вечер наступил стремительно. Как будто солнце устало освещать эту землю и все, что на ней происходит. Боевики занимались кто чем: кто-то спал в тени размашистого куста, кто-то лениво жевал «сникерс», кто-то чистил оружие. Шустрик лежал на земле и не шевелился, боялся привлечь к себе хоть каплю внимания. Распухли исцарапанные ноги. Уже не мучила жажда: стала тупой, переросла саму себя. Болели стянутые за спиной запястья. Вдруг встал командир, что-то гортанно выкрикнул, и все разом засобирались.

Командир подошел к Шустрику, присел, сначала посмотрел на ноги, потом в глаза. Открыл флягу с водой, протянул. Шустрик жадно припал, глотая с каким-то остервенен-

нием. И никогда вода не казалась ему такой сладкой.

Юсуп сидел рядом. Молчал. Командир снова сказал ему что-то, но тот не ответил, даже не обернулся. Тогда он обратился к пареньку.

— Мы уйдем сейчас. Ты с Юсупом останешься. Я очень думаю, что ты его злить не будешь. «Федералы» хорошего человека в плен взяли, очень хорошего. Завтра тебя на него менять будем.

Шустрику связали ноги. За несколько минут отряд собрался и, растянувшись цепочкой, зашагал дальше по лесной тропе. Они остались с Юсупом вдвоем. И где-то вдалеке замаячила возможность жизни.

Шустрик боялся этого чечена. Боялся каким-то подкожным, извечным страхом. И еще возникло ощущение жуткой несправедливости. Он, Ромка Савин, не мог родиться просто так. Обязательно должно быть что-то, ради чего он появился на свет, прожил свои восемнадцать лет. Это что-то было далеко, в другой, мирной, жизни; и так тошно было умирать на этой земле...

Перед уходом в армию устроили отвальную. Столы расставили прямо во дворе. Все деревенские пришли: кто проводить, кто самогона на халюву попить. И курносая Аня тоже пришла. Пила мало и все время задорно смеялась.

А гульба развернулась во всю ширь! Вечно пьяный Витька Шмелев приперся в сдвинутом на левую сторону берете, все время пил за ВДВ и орал на ухо:

— Главное, не бзди!.. Характер сразу показать надо! Бить начнут — срывай дужку с кровати и молоти всех подряд!.. Но не бзди! А то я тебя сам отмудохаю!

Все постоянно лезли с ним целоваться, завещали служить достойно, но он весь вечер видел одну только Анюту. Та изредка поглядывала на него, улыбалась и о чем-то шепталась с остальными девчонками. И уже от одного этого было хорошо! Все любили Шустрика, и он сам любил всех и каждого, и все такой же далекой казалась армия, как и месяц назад.

Потом пошли гулять на речку. И вроде вечер был совершенно обычный, как и многие вечера до этого. И звезд не было — тучи заволокли все небо. Но ощущение чего-то волшебного мягко обволакивало Шустрика с ног до головы, и сам он светился от тихого счастья. А са-

мое настоящее чудо произошло, когда Аня пошла к нему, взяла за руку и сказала:

— Пойдем погуляем?

— Да запросто!

И они свернули в сторону от остальной компании. Шустрик набрался смелости и обнял девушку за талию, а та — вот уж действительно волшебство — не сбросила руку, не оттолкнула.

— Куда мы пришли?

— Это Лисий нос, Анька! Это мое место. Только я про него знаю.

— А зачем оно тебе?

— Вот глупая! Тут такая рыбалка!.. Под вечернюю зорьку придешь, донки поставишь на ночь, а с утра у леща жор начинается... Вот это песня! Только знай тягай одного за другим!..

Девушка громко засмеялась.

— Чудной ты, Шустрик! Смешной!..

Парень насупился.

— Скажешь тоже... Я вообще мужик хозяйственный! И со скотиной могу, и по дому там...

— Мужик... — Девушка засмеялась еще громче.

— Да ну тебя!

— Не обижайся. Постой лучше...

Шустрик остановился, удивленно посмотрел на Аню, а она властно обняла его за шею, прижалась всем телом, каждым изгибом и обожгла страстным, недевичьим поцелуем. Хохотала вдалеке деревенская компания, а девушка продолжала целовать Шустрика до тех пор, пока у него не подогнулись ноги от сладости и молодые не упали в мокрую траву...

Потом они долго сидели на берегу, курили, кидали камушки в воду.

— У тебя это в первый раз?

— Да.

— Я так и подумала.

— Разве это плохо?

— Дурачок. — Аня посмотрела ему в глаза, такие детские и смешные, улыбнулась, положила голову на плечо.

— Меня два года не будет.

— Я знаю. А мне еще четыре учиться.

— Ты мне адрес свой городской оставь. Я тебе писать буду.

— Зачем?

— Ну... как это... — Шустрик сбился, покраснел, удивленно захлопал ресницами. — Мы же сейчас...

— А... Ну это да! Конечно, пиши.

— Ты будешь меня ждать?

Аня улыбнулась куда-то в сторону, потом снова посмотрела пареньку в глаза и нежно поцеловала в самый краешек губ.

— Пойдем... Холодно уже.

— Пойдем.

Дома мать убирала столы, приводила двор в порядок.

— Вернулся уже? Я думала, до утра гулять будешь.

Шустрик ничего не ответил, лишь дурацкая улыбка не сходила с губ. Он лег на кровать, забрался под одеяло, сбросил на пол пытавшегося устроиться в ногах кота.

С закрытыми глазами прокручивал каждое мгновение вечера, каждый космический изгиб, чувственно-временной поворот, — и млея от полноты счастья. Вместе с ним он проснулся и с ним же поехал в военкомат.

Аня написала ему два раза. В первом письме прислала свою фотографию, а во втором сообщила, что выходит замуж. Шустрик злился, сходил с ума. Тысячу раз представлял себе, как придет на дембель, весь в медалях, с золотыми погонами и в берете, придет к ней домой и плюнет в лицо; и гордо уйдет, хлопнув дверью. Именно хлопнув дверью! Со временем стал представлять все реже. Потом совсем забыл. А потом его отправили на войну.

И сейчас он лежал, связанный и беспомощный, и отказывался верить в то, что близость с Аней — единственное, ради чего он родился на свет. Что ничего больше Богом для него не запланировано.

Ночь была тихая и ослепительно звездная. Природа притаилась, но без злого умысла, а спокойно и умиротворенно. Отступила дневная жара, в воздухе запахло прохладой, а земля, напитавшись за день солнечным теплом, миллионами токов устремила свой жар к небу. И от этого атмосфера наполнилась негой и успокоением. Словно и не было никогда войны.

Юсуп Ахматов лежал без движения, облокотившись спиной на камуфляжного цвета рюкзака, прикрыв глаза. Лежавший недалеко русский парень был ему уже неинтересен. Юсуп отдыхал. Его утомил утренний бой. Еще больше утомил длительный дневной переход. Но он не жаловался. Он был мужчина. К тому же уходить надо было быстро. Русские наверняка

отправили на поиски их отряда группу разведки, а это матерые волкодавы: если нападут на след — загонят до смерти. Но Зелымхан Умаров — опытный командир — направил их по ложному следу, а сам увел свой отряд в горы, поближе к Шатою.

Юсуп не боялся, что русский сбежит. В свои сорок пять лет он спал чутко — не хуже лесного зверя. Да и не спал он сейчас, несмотря на всю усталость: окунулся в напряженную дремоту, готовый вскочить и сразиться при любом подозрительном шорохе.

К засаде готовились долго, несколько недель. Дозорные внимательно изучали все это время маршрут инженерной разведки, график передвижения, количество людей, бронетехники. Две недели не минировали эту дорогу, чтобы русские расслабились. Сыны Аллаха, они были терпеливы, они вели охоту. Так волк выслеживает добычу, сглатывая подступающую к скулам слюну, чтобы в конечном итоге одним молниеносным броском, одним выверенным движением челюсти вгрызться в горло расслабленной жертве.

Все, как и планировалось, произошло в считанные секунды. Каждый в отряде знал свою огневую точку, знал свою цель. Их минер, старый Рустам Идигов, до войны работавший главным химиком на заводе, грамотно заложил фугас, в нужный момент подорвал головной БТР, и все остальные как по команде, практически в упор расстреляли саперный расчет и группу прикрытия.

А пленных брать не собирались. Так же быстро и методично добились раненых, забрали оружие и боеприпасы... И тут этот русский. Застонал, заворочался в пыли, как скулящая собака под сапогом хозяина. Ближе всех к нему был командир. И он уже вскинул автомат, собираясь пристрелить падаль, но почему-то передумал. Теперь Юсуп знал почему, но это его уже совершенно не беспокоило.

Дремота все сильнее дурманила мозг, пеленой обволакивала сознание. И в голове стали возникать совсем другие картинки, из далекого детства... Вот он маленьким мальчиком с оравой ребят бежит купаться на дамбу в Черноречье. Они гурьбой скатываются с пригорка на песчаный пляж, с визгом скидывают одежду и, утопая в брызгах, выплескивая на

весь свет свою детскую щенячью радость, барахтаются в теплой воде. Чеченцы, русские, даргинцы, ингуши — просто маленькие дети без национальностей. Ныряют с плеч друг друга, брызгаются, сложив ладони лодочкой; губы не синеют, потому что вода теплая, почти горячая; солнце ласково лижет загорелые спины и лица. А потом так же вместе без сил выползают на берег и валяются на песке. Кто-то взял из дома хлеб и вареные яйца, кто-то курдюк, кто-то бутылку молока. Вся еда сваливается в одну общую кучу и моментально уничтожается. Никаких ссор или споров — все по-честному. И все по-настоящему.

А в один из вечеров вся улица, все дома, что есть в округе, собираются в яблонево́м саду. Приносят стулья, скамейки, столы. Еду никто не приносит: у Валида Дагаева день рождения, он сам всех угощает. Мужчины режут барана и готовят шашлык, женщины варят хинкал и собирают на стол. Тетя Марина не удержалась, принесла-таки тазик соленых огурцов, но с дядей Валидом у них давняя дружба, оба выросли в Казахстане, да и огурцы так никто не умеет засаливать, как она.

Потом все садятся за стол. И чего там только нет: жирный шашлык, плов, хинкал, густой лагман, овощи, зелень, фрукты... Столы ломаются от снеди и вина, все веселы и довольны, едят от души, пьют по вере и желанию. Каждый по очереди произносит тост, желая дяде Валиду долгих лет здоровья, счастья дому, успехов на сцене. Такого певца, как он, по всей Чечне еще поискать. А то и по всему Союзу.

Маленький Юсуп сидит за детским столом, рядом все его уличные друзья. Мишка живет в соседнем доме. Его мать вместе с мамой Юсупа работает в одной поликлинике. Арсен с родителями совсем недавно переехал из Осетии, его отца перевели инженером на вновь построенный нефтезавод. Но все это мелочи, все это вскользь и даже как-то понарошку. Родительские дела их совершенно не волнуют. Разве мало у них своих дел? Одному купили велосипед, и уже вся улица пересекает на нем с ночи до зари. Случаются и мелкие ссоры. Долговязый Арсен обидел Лейлу, так Мишка первый подлетел и заехал ему по уху. Никто не встревал. Маленькие мужчины — все равно мужчины, и дела свои должны решать один на один. Да и

не может быть между ними большой вражды. Арсен извинился и был прощен.

А потом дядя Валид начал петь, и сделалось очень грустно и в то же время хорошо. Он пел о высоких горах, о звонких ручьях, о полете орла, и каждая нота, каждое слово впечатывались в душу. Он пел по-чеченски, и многие не понимали слов, но слушали очень внимательно. И тут впервые Юсуп увидел, что чеченцы слушают Валида Дагаева... по-другому. Он поглядел на свою мать: неземная тоска по несбыточному высветила ее глаза. Прорезалась в складках лба горечь. И еще не в силах осознать всего своим детским умом, Юсуп кожей почувствовал пропасть между ними, чеченцами, и всеми остальными. Смутное чувство проникло в душу. Дядя Валид продолжал петь о том, как говорят камни, о бессмертных героях прошлого, о тоске по Родине и печальной луне казахских степей, о неустрашимых горцах, и чувство в душе Юсупа вдруг оформилось в жестокий голод по свободе — той, что жила в песнях, той, которую он никогда не знал.

Валид Дагаев оборвал песню внезапно, как и начал. Последний звук как будто замер на острие кинжала и, растворяясь в теплом вечере, растаял. И вместе с ним растаяла свобода, что на мгновение ожила в песнях, оставляя в сердцах дремучую тоску несвершенности.

Раздались возгласы, шквал аплодисментов... Юсуп украдкой посмотрел на гостей: аплодировали все, кроме чеченцев. А дядя Валид отвернулся, чтобы никто не разглядел в отсветах фонарей подступившие к глазам слезы...

Дремота густела, растекалась слипающимися мыслями, проваливаясь в сон. Ночь была тиха и прозрачна. Не тревожила. Не будила. Юсуп заснул, и ему приснилась Румиса.

Девочка из соседнего дома. Малышами вместе играли в прятки, дружили семьями, в школе учились в одном классе. Самая обыкновенная. Ничего особенного и волнующего. И вдруг настал день, когда Юсуп посмотрел на нее другими глазами. Он помогал отцу чинить двигатель старенького ЗИЛа, а она в это время возвращалась из магазина.

Какие законы могут объяснить нам возникновение любви? Что это за чувство? Запахи? Прикосновения? Взгляды? Или все вместе?.. А может быть, не надо и пытаться объяснить любовь?

Румиса шла не так, как раньше, а словно плы-

ла над землей, а волосы ее — они были не просто черными, они светились в лучах солнца, как антрацит. Тяжелые пакеты с продуктами тянули руки вниз, к земле, девушка устало сжимала губы, кисти рук были напряжены, но в целом мире не было краше этих кистей. И, повинувшись внезапному порыву, Юсуп положил на капот гаечный ключ, подошел к Румисе и властным жестом забрал авоськи из ее рук. Девушка сначала не поняла, рассерженно взглянула на него из-под тонких черных бровей, но было в его глазах нечто большее, чем правдивое и искреннее, большее, чем настоящее, — просто необъяснимое! И она беспешно отвела взгляд, смущенно улыбнулась и пошла вперед, как бы указывая дорогу к дому. Отец Юсупа улыбнулся. Через месяц сыграли свадьбу. Старики, правда, осуждающе ворчали: не будет молодым счастья, дети из одного тейпа не должны жениться друг на друге. Но советский загс не слушал шепота гор.

Юсуп впервые ощутил себя по-настоящему счастливым мужчиной, но даже в тот момент он до конца не осознавал всеобъемлющей магии этого чувства. А настоящее счастье пустило корни в его душе лишь тогда, когда родился Шамиль.

Маленький человеческий комочек, с синими, как у отца, глазами и тихой маминой улыбкой. Он не плакал, не кричал, как многие в беспмятном детстве, но внимательно глядывался в окружающий его огромный мир, впитывал его с материнским молоком и, верно, наслаждался тонкими оттенками вкуса. И что-то бесповоротно изменилось в самом Юсупе. Сдержанность, серьезность — все это было и раньше в молодом чеченце, но после рождения сына вплелось незримыми нитями щемящее чувство ответственности за семью. И вместе с этим — четкое ощущение правильного хода всего его существования. Словно недостающий кирпичик был вложен в стену судьбы — и вся жизнь упорядочилась.

В годовалом возрасте Шамиль простудился и подхватил воспаление легких. И не было в жизни Юсупа часов тревожнее, чем время, проведенное в больнице. В палату к ребенку родителей не пустили. Они сидели на деревянных скамейках, рядом с дверью. Страх не было.

Только сосущая боль в сердце и напряженное ожидание в складках лба. Эта боль усиливалась,

перемешиваясь с неизвестностью и, когда достигла своего апогея, когда не осталось никаких сил сидеть на месте и ждать, — вдруг прорвалась из сердца молитвой. Юсуп глядел себе под ноги и горячо молился незнакомому до той минуты Аллаху! Сулил несметные богатства и верность, свою жизнь и жизнь жены, заклинал его правдами, неправдами, — всей болью, всем порывом своего сильного существа. Он обещал стать правоверным мусульманином, по пять раз в день делать намаз, как это положено, жить по законам Корана и гор... Он на все был готов, отец умирающего ребенка! На все!.. И Аллах услышал его молитвы. Шамиль выздоровел, выжил.

Юсуп и Румиса шли домой. Души их переполняло измученное счастье. Они не знали, что Аллах дал только отсрочку, что через двадцать лет пуля русского снайпера заберет жизнь их сына во время первого штурма Грозного — столицы молодой и свободной Республики Ичкерии.

...Пронзительно вскрикнула ночная птица. Юсуп моментально проснулся, жесткая ладонь привычно легла на цевье автомата. Он обернулся на пленного: тот неотрывно глядел на него спокойным, внимательным взглядом.

В какой-то момент Шустрик перестал чувствовать ступни ног и запястья. Веревки уже не врезались в кожу, не стягивали ручейки вен: они словно вросли в тело, становясь его мучительным продолжением. А немота конечностей все набухала, ширилась, обволакивая мерзлым пленом колени и предплечья. Разогнать застывшую кровь можно было движением, но Шустрик боялся пошевелиться.

Он знал, что через несколько часов его обменяют на одного из боевиков, с неба свалилось неожиданное спасение, но страх не ушел насовсем: только растворился в крови, стал глуше, тише, напряженнее. Он — страх — словно нашептывал изнутри: не шевелись, любое твоё движение будет истолковано как попытка к бегству, тебе надо только продержаться до рассвета.

Внезапно Шустрику вспомнился Брызгун. Один из тех забулдыг, какие есть практически в каждой деревне. Настоящее его имя было дядя Ваня, а прозвище свое он получил за то, что, будучи в подпитии, кричал каждому встречному: «А ну, посторонись, а то обоссу!» Мужики считали его юродивым и не трогали. Бабы крестились, проходя мимо. Он нигде не

работал, хозяйства не держал, жил на мизерную пенсию и редкие подаяния. Летом удил рыбу, собирал ягоды и грибы, продавал их в поселке и тут же пропивал вырученные деньги. Детей он не любил. Под пьяную руку мог запустить камнем или поленом. Но именно это щекочущее пятки чувство опасности заставляло всю деревенскую ребятню дразнить его, отбегая при вспышке гнева на внушительное расстояние. Однажды Шустрик столкнулся с ним лоб в лоб. Шустрик удил рыбу на вечерней зорьке, как вдруг прибрежные кусты ивняка зашелестели, расступились, и на вымытый рекой плес вышел Брызгун. В правой руке он держал удочку, а из кармана поношенного пиджака торчала консервная банка с червями. Шустрик окаменел. Еще вчера он издевался над ним, кричал вслед что-то обидное. А сейчас... Бежать было некуда. Они, не отрываясь, смотрели друг другу в глаза, и чувство гнилого страха сковало паренька по рукам и ногам. Ноги стали ватными и безвольными. Шустрик приоткрыл рот, и подленько задрожала нижняя губа...

Брызгун тогда лишь довольно ослабилась и произнес: «Что, съешь, когда страшно?» И неторопливо пошел вдоль берега своей дорогой. Но память об этой встрече вспышкой засела в детском мозгу. Шустрик больше никогда не дразнил этого человека. Да ему и оставалось недолго. Холодной зимней ночью Брызгун повесился. Родни у него не было, поэтому на похороны скидывались всем миром. И долго обсуждали на поминках непростую судьбу русского мужика, который сначала жену схоронил, а потом двоих сыновей из Афгана в «цинке» встретил. Так и сказали тогда: «из Афгана в «цинке» встретил». Про Афган Шустрик слышал и раньше. От этого слова веяло чем-то романтическим и мужественным, настоящим. А слово «цинк» он раньше не слышал, но оно ему сразу не понравилось.

Паренек лежал на остывающей земле, боялся пошевелиться и вслушивался в ночь. Ему и раньше не нравились эти горы, это душное буйство красок, пыльные дороги и ледяные горные реки. Но только сейчас, связанный по рукам и ногам, лежащий под каким-то южным кустом (у них в деревне не растут такие), он со всей ясностью осознал, насколько чужая это

земля и насколько зловещая здесь ночь. Сама природа помогала чеченцам в этой войне. И если не было с самого начала ни правых, ни виноватых, то земля, горы, солнце и даже вот эта ночь каким-то материнским стоном утверждали обратное. И утвердили-таки...

Пытаясь справиться с гнетущей тяжестью кавказской ночи, Шустрик вдруг открыто и без боязни посмотрел на задремавшего боевика. Спокойное лицо: тонкие губы, крючковатый нос, густая рыжая борода с проблесками седины. Пленный солдат Рома Савин всматривался в лицо чеченца, словно в изгибах морщин можно было прочесть ответ на мучивший его вопрос: откуда столько ненависти к русскому человеку?.. Что-то визгливо вскрикнуло из глубины ночи (или это закричала сама ночь?), Юсуп резко открыл глаза, и два века встретились взглядами.

Бывают в жизни такие мгновения, что зовутся моментом истины. Не спорьте, бывают! Словно поворачивают рубильник в душе... Или нет, даже не поворачивают: чья-то невидимая рука ложится на него и вот-вот готова переключить. Неуловимая доля секунды между сомнением и поступком. Кажется, что все окружающее тебя пространство накаляется до предела, обжигает жаром ста тысяч солнц — это не так! Пространство и время остаются неизменными, они не нарушат ради тебя своих законов. Нагревается душа!

А человек, не в силах совладать с этим огромным пламенем, выплескивает его через глаза, — нет у души иного зеркала, нет иных проводников!

Два человека, не отрываясь, глядели друг на друга, и эта тонкая линия, протянувшаяся между взглядами, в считанные секунды заострилась и разрежала ночь пополам. И лопнула метафизика, ночь оказалась не более чем темным временем суток.

Чеченец проснулся так неожиданно, что Шустрик даже не успел толком испугаться. Он лишь удивленно хлопал глазами и пытался заторможенно сообразить: что делать дальше? А Юсуп глядел на русского паренька, вглядывался в его избитое лицо, в пыльный камуфляж, в грязные босые ноги и вдруг отчетливо понял, что не испытывает к нему никакой ненависти. Он попытался разозлиться на себя

самого, но чем дольше вглядывался в эти детские птичьи глаза, тем яснее понимал, что даже злость ушла из души.

Ничего не осталось в мире, кроме тишины и двух пар глаз. А тишина застывала с каждой секундой, пока окончательно не остолбенела и вдруг, покачнувшись, стала медленно падать на Шустрика. И только затем, чтобы его не раздавило, он заговорил.

— Я даже не думал бежать... Честно! Просто не спал. Да я и встать бы не смог ...— начал он неуверенно.

Юсуп молчал, но не изменил позы, не отложил автомат.

— Не убивайте...

— Заткнись. — Юсуп произнес это слово легко, буднично и беззлобно, расслабился и положил оружие на землю.

Это был лишь незначительный жест, но от него вдруг повеяло надеждой, спокойствием; Шустрик заулыбался и затараторил:

— У меня дома котяра был, Маврик... Ну, в смысле, он и сейчас есть... Я думаю... Так он мышей ловил. Но ведь какая сука, задушит мышь и тащит ее деду показать. Никому больше — только деду. А дед у меня старенький совсем, он уже говорить не может и с кровати не встает. Так Маврик прямо на кровать к нему запрыгивает и мышь там оставляет. Мол, покараул пока, а я еще схожу. Да не просто оставляет, а припрятать норовит, то под одеяло засунет, то просто под кровать. Один раз, пока дед спал, вообще ему на бороду мышь кинул. Прикол, да? А другой раз чувствуем: воняет у деда в комнате. А дед вообще слабый, еле шевелится, только мычит недовольно, что-то сказать пытается. Ну, думаем, обделался старик. Поднимаем одеяло, а там мышей пять, все дохлые, воняют... Вот смеху было! Маврика потом батя за шкурку — и в сени зашвырнул. А там у него железо всякое, инструмент... Он механиком работает. Ну и халтурит дома... Так вот, думали, не выживет котяра... Ничего, отлежался, раны зализал и через пару дней снова бегаёт. Только мышей деду больше не таскал. Кот хоть и тварь без разума, а где-то соображаловка работает...

Шустрик еще продолжал что-то говорить, улыбаясь и поминутно облизывая пересохшие губы, а у Юсупа что-то застонало под ребрами.

Не важно, что именно говорил этот русский, — важно как! Просто, открыто и искренне. Словно не злой чечен сидит перед ним, а лучший друг. И эти доверительные интонации в голосе паренька перевернули картину действительности. Отменили войну. Уничтожили ненависть. Воскресли надежду. И породили жалость...

Жалость опасна. Ее нельзя пускать в сердце. Жалость убивает воина и превращает его в слезливую бабу. Это самый опасный враг. Жалость заставляет задумываться над поступками, а на войне нельзя думать. На войне надо убивать. Иначе убьют тебя. Жалость надо выжигать каленым железом, пока она не сожрала тебя самого.

— Заткнись, свинья! А то я тебе кадык вырежу.

Шустрик осекся на полуслове.

— Я просто подумал... Раз меня завтра отпустят...

Юсуп встал, взял автомат, подошел к пленному и, размахнувшись, ударил его прикладом по лицу. Звонко хрустнула челюсть. Из разбитого носа хлынула кровь. А Юсуп, так же не торопясь, развернулся и сел на место. Шустрик больше не пытался заговорить. Один удар приклада вернул все на свои места: войну, чужую землю, зловещую ночь. И замазал черной краской надежду, как окна замазывают: свет вроде бы пробивается, а вроде бы и нет. И все равно темно. И все равно страшно.

А жалость не уходила. Юсуп все сделал правильно, он заткнул пленного, сломал ему челюсть... Но жалость к этому русскому по-прежнему ворочалась в душе колючим ежом, только иголки стали длиннее. Сколько было лет Шамилю? Столько же? Чуть постарше?..

Нет, нельзя! Нельзя жалеть... Он вспомнил свой родной поселок Новые Алды, вспомнил мать, попытался представить утро 5 февраля 2000 года... Ту нечеловеческую, звериную зачистку, когда русские СОБРовцы, озверев от водки и крови, расстреляли семьдесят мирных жителей: женщин, стариков и детей... Просто за то, что они чеченцы. Еще он вспомнил рассказ Малики Лабазановой...

— ...Первый убитый, которого я увидела, был Азуев Айнди, старик восьмидесяти лет, во время обстрелов мы с ним в одном подвале укрылись. В нескольких метрах от него, у калитки, лежала Кока, ты помнишь Коку?.. Ей

тридцати еще не было... Чуть дальше — Аймани, она еще керосином торговала... У Аймани дочь в живых осталась, успела уйти огородами, но это потом только выяснилось. Лежал пятидесятилетний Альви Хаджимурадов. Я возвратилась и сказала Ахмеду, что трупы нужно затащить в дома, иначе кошки и собаки могут соблазниться. «Солдаты приказали не трогать, они могут еще вернуться», — вот что он мне ответил.

В то утро «федералы» забрали Тасуева Султана. Сам он жил в Черноречье, но после того как разбили его дом, перешел к родным, в Новые Алды. Когда его уводили, солдаты требовали деньги. Мы собрали, но тем, видимо, этого показалось мало. С деньгами на руках его и увели. Никому не разрешили идти следом. Если бы ты видел, Юсуп, как он орал, как кричал. ...У него глаза красные в тот момент были, с такими жилками...

Мой муж достал еще денег для Тасуевых, он надеялся освободить Султана. С ними и ушел на соседнюю улицу. А я осталась дома. И вот через некоторое время слышу у себя во дворе крики, мат ужасный. Я открываю дверь, вижу: солдаты и с ними Абулханов Ахмед. На крыльцо вышли и Зина с Хусейном. Один из военных (он был в белом маскхалате) обернулся ко мне, посмотрел, как сейчас помню, стеклянными глазами и спросил, что я тут делаю. Я сказала, что живу здесь. Он подзывает меня, и в этот момент старик (весь такой бледный, губы у него были синие) просит: «Малика, они сейчас деньги потребуют, пойди у кого-нибудь возьми». Я к солдатам: «Ребята, у нас нет денег. Если бы были, мы бы уехали, как все люди».

И тогда они начали стрелять. Кричали при этом, что у них приказ убивать всех. Я побежала к соседям, стучала в ворота — никто не открывал. Только Дениев Алу вышел на стук и принес мне три бумажки по сто рублей. Несу я эти деньги, подхожу к своим воротам и вижу: кошка моя идет, у нее внутренности вывалились. Она идет и остановится, идет и остановится, а потом умирает. У меня ноги так и подкосились, я думала, что всех у нас во дворе убили...

Когда я протянула этому, в белом маскхалате, триста рублей, он только посмеялся: «Разве это деньги? У вас у всех есть деньги и золото, — сказал он. — У тебя зубы тоже золотые». Я от

испуга сняла серьги (их мне мама на шестнадцатилетие купила), отдаю их и прошу не убивать. А он кричит, что убивать приказано всех, подзывает солдата и говорит ему: «Заведи в дом и там ее потряси».

Когда я поднималась к себе на крыльцо, Абулханов Ахмед все еще стоял во дворе.

В доме я сразу бросилась в котельную, там за печкой и спряталась. Это было единственное, что я смогла сделать в той ситуации. И тот, который сопровождал меня, вышел назад. Он искал меня. Не найдя, вернулся снова в дом. И тут началась стрельба во дворе. Я бросилась к солдату, стала просить, умолять его, чтобы не убивал. «Тебя не убью, убьют меня», — сказал он. И такой страх меня охватил, что и бомбежки, и обстрелы — все, что было до этого дня, все я готова была заново пережить, лишь бы он, этот солдат, отвел наведенный на меня автомат... Юсуп, скажи, за что нам все это?

Он стал стрелять: в потолок, в стены, прострелил газовую плиту. И тогда я поняла: он не застрелит меня. Я схватила его за ноги и поблагодарила, что не убил. А он: «Молчи, ты уже мертва».

Я потом узнала, что первым застрелили старика Абулханова Ахмеда. Сделал это, по-видимому, тот, что был в белом маскхалате. У себя дома погибли Зина и Хусейн. Я слышала, как кричал Хусейн: «Зина, принеси документы». Он был инвалидом и думал, наверное, что пожалеют, когда увидят его документы. Потом я собирала его косточки. У Хусейна был разбит череп, и он лежал в комнате. Труп Зины находился у порога, на ней было восемь или девять пулевых ранений.

Военные подожгли дом Абулхановых и их сарай. Коровы, овцы — все сгорело в этом пламени. Только после этого они ушли.

А Султана Тасуева освободить не удалось. Он был убит у дома, в котором лежали еще три убитых человека, в том числе и женщина. Мой муж и Тасуев Шамхан наткнулись на них... Эта женщина была русская...

А мать твою на улице убили. Я не видела, люди рассказывали. Она только и успела из дома выйти, даже сказать ничего не успела, сразу очередь по ней дали.

Малика потом долго молчала. Не плакала — высохли все слезы. И напоследок произнесла:

— Убей их, Юсуп! Убивай без жалости. Всех до одного.

Ночь исчезала, уступая место рассвету. Совсем скоро начнется новый день. Юсуп больше не спал. Изредка поглядывал на пленного. Жалость к нему ушла. Насовсем. Словно и не было никогда этого чувства. Только смутные отголоски воспоминания оставила она после себя. Но ненависть так и не вернулась.

Юсуп сидел, опершись спиной на походный рюкзак, пальцем левой руки неопределенно поглаживал автомат. Странное чувство плескалось в душе. Он знал, что русский — враг, к врагу не должно быть жалости. И вместе с этим ворочалась смутная догадка о неправильности такого хода вещей. Еще не знание, еще не уверенность, не опыт, лишь червячок сомнения; он проявлял себя в разбитых губах пленного солдата, в сломанной челюсти, в связанных за спиной руках, в детских глазах, наконец... И это сомнение крепло с каждой протянувшейся в вечности минутой.

Жалость ушла. Ненависть не воскресла. Но это уже не имело значения. Юсуп ждал возвращения отряда, как ждет утопающий спасательного круга. К тому же он знал, что никакого обмена не будет.

Отряд вернулся утром. Боевики весело переговаривались, смеялись, выглядели довольными, сытыми и отдохнувшими. Ночь они провели в теплых постелях, утром ели домашнюю еду. А командир принес то, ради чего и спускался в поселок.

Шустрик, заслышав голоса, зашевелился и с трудом повернулся на бок. Голова раскалывалась, в сломанную челюсть словно напихали гвоздей. Каждое движение приносило нечеловеческие муки. Но надо собраться. Надо еще немного потерпеть. Скоро все закончится. И будет больничка, хорошенькие медсестры, спиртик по вечерам. А потом самолет, родная деревня, мама...

Командир присел, открыл походный мешок, достал новенькую видеокамеру.

Ромка Савин не отличался сообразительностью, но ведь бывают моменты истины. Ведь бывают, черт побери! Одна секунда. Один взгляд. Одно прозрение. А больше ничего и не надо. Больше ничего и быть не может. Не будет дома, не будет мамы, курносой Аню-

ты тоже не будет; исчезнет земля и солнце, умрет вселенная, — Ромка точно знал, что умрет. И что с того? Да, целая вселенная может умереть по воле одного человека. И он, Ромка Савин, тоже умрет. Только думалось об этом уже спокойно. Страх был, а паники не было. Паника не имела смысла. Ничего больше не имело смысла.

Командир, настраивая режим съемки, что-то весело сказал Юсупу, но тот не ответил. Даже не двинулся с места. Тогда командир сказал то же самое, но уже без улыбки, жестко. Юсуп снова промолчал. А потом встал, что-то коротко выкрикнул на чеченском и направился вниз по тропинке. Командир разозлился, в спину Юсупу понеслась ругань. А потом он плюнул и снова что-то выкрикнул, уже обращаясь к отряду. И все пришло в движение. Чеченцы разом загалдели, размахивая руками, кто-то пронзительно захохотал.

Рому Савина схватили, рывком подняли на ноги и потащили в центр поляны. Командир — уверенный в себе матерый волк — передал кому-то камеру. Достал нож. Склонился над Ромкой.

— Страшно, свинья?

Ромка молчал. Только умоляюще смотрел в глаза. Но жалости не было. Она умерла на этой поляне пару часов назад.

— Прощайся с мамкой!

Суетливый длинный чеченец туда-сюда бегал с видеокамерой, выбирая нужный ракурс. Ромка попытался что-то произнести, но из разбитой челюсти вырвалось только неуверенное мычание. И мир взорвался.

Рука с ножом двигалась быстро и умело. Ромка захрипел, задергался всем телом. Из разорванной раны вырвалась наружу душа, пузырятся и булькает на лету.

Взгляд тускнел, обволакиваясь красной дымкой. Было больно, но терпимо. Только пропал воздух, словно его, Ромку Савина, закинули на мгновение в открытый космос. А страха не было. Люди врут, не проносится вся жизнь перед глазами. Да и кто вообще это придумал? Кто из живых может доподлинно это знать? Умирал Ромка. Умирала вселенная. И последнее, что он увидел перед смертью, — это здорового черного кота. Тот жадно припал к миске, но вдруг замер, резко вскинул сытую морду и посмотрел прямо на Ромку. А взгляд

кошачьих глаз словно говорил: это еще не конец, это только самое начало...

С длинных усов свисала капля жирного молока.

Юсуп свернул с тропинки и присел у размашистого куста. Он слышал довольный визг своих братьев, радостное гиканье взрослых детей, которым показали новую игрушку.

Он не понимал, что с ним происходит. Все было сделано так, как надо, как велят законы гор. Ему не было жалко этого русского солдата. Он мстил за мать, за жену, за сына. Он не испытывал угрызений совести... Но вот что-то безвозвратно сломалось в душе. Еще в тот момент, когда русский довольным голосом начал рассказывать про своего деда, про кота, про мышей, — возникло новое знание. Извечное, честное, настоящее. Да, казнь была нужна, да, он ни о чем не жалел. И вместе с этим отчетливо понимал, что не было правоты в содеянном. И никогда больше не будет. Понимание переполняло его изнутри, рвалось наружу, царапало сердце, проедавая себе дорогу на волю.

Юсуп был мужчина. Он никогда не плакал. Не заплакал и сейчас. Но чтобы удержать в горле выплескивающийся ком, он до крови закусил губу и беззвучно завыл. Горлом. Потом упал на траву.

Юсуп выл, царапал землю заскорузлыми

пальцами. Угрюмая правда бытия предстала во всей своей наготе. И он не знал, что теперь с ней делать.

По тропинке спускался к ручью молодой командир. Через плечо у него был перекинут молитвенный коврик. Командир аккуратно расстелил его на берегу, не торопясь вымыл руки, соскребая успевшую подсохнуть кровь, омыл ноги, лицо. Потом он преклонил колени и воздел руки к небесам.

— А-алла-ах акбе-ер...

Подошло время намаза.

□

Дмитрий Сергеевич ФИЛИППОВ

родился в 1982 году в городе Кириши Ленинградской обл.

Окончил филологический факультет

Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина.

Прозаик.

Печатался в журнале «Знамя».

В 2011 году вышел дебютный сборник прозы

«Три времени одиночества».

Живет в Санкт-Петербурге.

В журнале «Север» публикуется впервые.

